

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 45

New Studies in Modern Russian
Literature and Culture

Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz

Part I

[GO TO THE TABLE OF CONTENTS](#)

Stanford, 2014

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 45

Series Editors

Lazar Fleishman

Gregory Freidin

Gabriella Safran

**New Studies in Modern Russian
Literature and Culture:**

Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz

Part I

Edited by

Catherine Ciepiela
and
Lazar Fleishman

Stanford, 2014

A publication of
The Department of Slavic Languages and Literatures,
Stanford University

The Editors gratefully acknowledge funding support
from Gregory Call, Dean of the Faculty, Amherst College

All inquiries should be sent to the sole distributor:

Berkeley Slavic Specialties
P.O. Box 3034
Oakland, California 94609-0034
www.berkslav.com

Copyright © 2014 Catherine Ciepiela, Lazar Fleishman, and the contributors.

ISBN 1-57201-096-7 (978 1-57201-096-3) (pbk.) (Part I)
ISBN 1-57201-097-5 (978 1-57201-097-0) (pbk.) (Part II)
ISBN 1-57201-098-3 (978 1-57201-098-7) (pbk.) (2-part set)

Замятин pendant Ремизов:

игра в шутку и всерьез*

Елена Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Со второй половины 1917 г. А.М. Ремизов задает игре в Обезьяньего царя и его подданных,¹ придуманной им десятилетием раньше, новые параметры, формируя Обезвелволпал как содружество независимых индивидуалистов. Одним из тех, кто весной 1918 г. по указу Царя Асыки удостоился княжеского титула был Е.И. Замятин. История отношений двух писателей начинается с журнала *Заветы* (1912–1914), однако их идейное сближение возникает в контексте революционных лет. Обезьянья грамота Замятина, несмотря на всю свою игровую условность, является свидетельством дружеского альянса:

Дана сия грамота кавалеру обезьяньего знак I ст<епени> с водным винтом Евгению Ивановичу Замятину с возведением его в князя обезьяньи.

I день Пасхи

<сургучная печать> Асыка <подпись> 22 апреля <1918>

Лес дремучий

Великий князь обезьяний старец Иоанн <Рязановский – подпись рукой Ремизова>

Обезьяний князь и кавалер Леонид Добронравов <автограф>

Скрепил и деньги картофелем получил дьякон Алексей Ремизов.²

*Статья выполнена в рамках проекта 10–04–00190а «Е. И. Замятин: Новые материалы и исследования (подготовка тома в серии “Литературное наследство”»)» по гранту РФНФ

¹ См.: Е. Обатнина. *Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах* (С.-Петербург: Изд. Ивана Лимбаха, 2001).

² ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. №171.

Как и в других игровых документах Палаты, вышедших из-под пера Ремизова в 1918-м г., здесь встречается указание на мифологический тоpos («лес дремучий»), обозначающий то место действия, где возможны как благородные обращения зверей (обезьян) в людей, так и чудовищное одичание, приводящее к людскому «озверению». ³ Знак «с водным винтом» соответствует биографии кооптированного члена тайного общества, напоминая о его первоначальной профессии строителя ледоколов.

Между тем, это единственная в своем роде грамота, где Ремизов заменяет собственную игровую маску «канцеляриста и политкома Обезвельопала», избранную с 1917 г., на церковный чин «дьякона». Последняя деталь указывает на обоюдное увлечение двух приятелей народной смеховой культурой. Неслучайно, Замятин хранил в своем личном архиве список сказки «Что есть табак. Гоносиева повесть» (1907), ⁴ описывающей быт монашеской братии. В свою очередь Ремизов включил тему «табачного зелья», вызывающего разного рода наваждения, в контекст рецензии на драму Замятина «Огни св. Доменика» (1919). ⁵ Заголовок «Ни за нюх табаку» также был адресован не столько читателю, сколько автору рецензируемой пьесы.

Черновой набросок рецензии содержит подробную оценку творчества товарища по литературному цеху: «<...> по всякому праву Евг<ний> Ив<анович> Замятин занял место в Петербурге в кач<естве> учителя [письма прозаического]. Моряки, милиционеры, просто жаждущие искусств из Д<ома> Иск<усств> и проч<ие> проч<ие> слушают курс Замятина, учатся у него письму прозаическому. [А сам] Замятин пишет чудесные рассказы, облюбова<в> слово, фразу и строй всей темы. Замятин не молодой,

³ Обыгрывание этой темы см., в частности, в ремизовских «скоморшинах», напечатанных в *Простой газете для города и деревни* в 1917 г., в оставшемся неопубликованным памфлете «Вонючая торжествующая обезьяна» (1918), в памфлете «О человеке – Звездах – и о свинье» (1920), а также в корпусе текстов, тематически связанных с литературной игрой «Обезьянья Великая и Вольная Палата».

⁴ Список с авторской рукописи эротических сказов А.М. Ремизова в блокноте Замятина, объединенных названием «Святочные рассказы» (ОР РНБ. Ф. 292. № 23).

⁵ Впервые: А. Ремизов, «Первое произведение. Ни за нюх табаку (пьеса Замятина “Огни св. Доменика”)», *Жизнь Искусства*, 1920, №518–519, 31 июля – 1 августа, стр. 2.

только выступивший поздно: на моих глазах с 1913 г. за 7 лет из новичка стал учителем. Он обладает в слове в совершенстве: может написать и “по-русски” и “по-английски” и повесть и рассказ и сказку». ⁶ В окончательном тексте эта характеристика звучит более лапидарно: «Евгений Замятин по праву занял место в петербургских литературных студиях учителя поэтического письма. Словом он владеет в совершенстве, любит и ценит слово, и ладит слово с большим искусством». ⁷

Замятин был одним из немногих, кто принял Обезьянью Великую и Вольную Палату как альтернативу стремительно изменяющейся жизни и стал активным участником игры, привнося даже в собственные сочинения элементы ремизовского мифа. Степень его вовлечения в осмысление реальности посредством игровых символов и кодов, основанных на амбивалентном противопоставлении образов обезьяны и человека, с очевидностью подтверждает известный эпизод из литературной жизни писателей и поэтов, собравшихся вокруг издательства «Алконост» и журнала *Записки Мечтателей*. ⁸ Его первый номер включал раздел «Тулумбас», который, несомненно, являлся литературной вотчиной Ремизова. Само название, обозначающее большой турецкий барабан, в который бьют одной колотушкой, – иронически подчеркивало основную тематическую направленность собранных здесь текстов против государственного монополизма (одновременно в переносном смысле глагол «тулумбасить» означает бить кого-то).

Так публикация «Манифеста» «верховного властителя всех обезьян» Асыки Первого (в числе трех миниатюр Ремизова), осуществившая легитимацию обезьяньего мифа на страницах печати, ⁹ в послереволюционном историческом контексте представляла собой не что иное, как откровенный политический эпатаж. В таком же регистре прозвучало и «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского», ¹⁰ которое было помещено в разделе «Тулумбас» в 1921 г. Написанное “по заказу” Царя Асыки произведение выражало принципиальную позицию Замятина в отношении репрессивных мер большевиков, узурпировавших свободу печатного сло-

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. №41. Л. 1. Квадратными скобками здесь обозначены зачеркнутые слова.

⁷ *Жизнь Искусства*, 1920, 31 июля – 1 августа, стр. 2.

⁸ Е. Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 95–104.

⁹ *Записки мечтателей*, 1919, №1, стр. 144–145.

¹⁰ *Записки Мечтателей*, 1921, №2–3, стр. 177–179.

ва. «Послание», которое являлось откликом на тему «красной печати», поднятую Ремизовым годом ранее в письме к А. Блоку,¹¹ служит наглядным подтверждением общего для этой группы литераторов мифологического дискурса. В «Послании» Замятин представляется «обезьянним» прозвищем, обращаясь к «возлюбленным братьям обезьянам». Помимо очевидной стилизации под архаичный язык древнерусского «сказа», текст содержит прямую переключку с известной ремизовской «Повестью о происхождении табака» – упоминание о «проклятом зелье, произросшем от Саврасиева мерзкого удища». Главная тема «печати» в «Послании смиренного Замятия» соединяется с традицией монашеского затворничества – «пострига», избранного иноками во имя преобразования «жизни» в «житие».

В годы, последовавшие за Октябрьским переворотом, Ремизов и Замятин были кумирами целой плеяды начинающих писателей, желавших научиться литературному ремеслу. Ремизов, по складу характера всегда выбиравший камерное общение, создал вокруг себя собственный круг литературной молодежи, а Замятин (наравне с Н. Гумилевым) быстро приобрел статус литературного мэтра в студиях Дома искусств и издательства «Всемирная литература».¹² С отъездом Ремизова за границу 5 августа 1921 г. ситуация в петроградском литературном пространстве радикально изменилась. В письме к Ремизову от 14 декабря 1921 г., адресованному в Берлин, М.М. Шкапская описывала петроградскую литературную жизнь, стилизуясь под своего учителя: «У нас все, как и прежде, только и сытнее, и живее стало. Только вот в литературных-то кругах швах! Царит Замятин без соперников, да растут молодые

¹¹ См. оставшийся неопубликованным при жизни поэта «Ответ на вопрос о красной печати», созданный по письменному предложению Ремизова в сентябре 1920 г.: «Неизвестный фельетон Блока 1920 г. (творческая рукопись)». Вступ. статья и публ. И.Е. Усок, *Литературное Наследство*. Том 92. Кн. 5. *Александр Блок. Новые материалы и исследования* (Москва, 1993), стр. 5–20.

¹² В рассказе «Крюк» (впервые: *Новая Русская Книга*, 1922, №1, стр. 6–10) Ремизов описал в мифологическом ключе этот, развернувшийся в Петрограде (1918–1921 гг.), процесс литературного обучения молодежи в общении с Н. Гумилевым, Е. Замятиным, М. Горьким и, по словам писателя, в Обезьяньей палате. См. также: А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 7. *Ахру* (Москва: Русская книга, 2002), стр. 17–25.

грибки – Серапионовы братья. Славная публика, а без Блока и Гумилева поэты все осиротели и разбрелись».¹³

Одной из причин, побудивших супругов Ремизовых к эмиграции, было здоровье писателя, подорванное невыносимым бытом первых советских лет. «Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, – признавался он В.Н. Тукалевскому в письме от 16 февраля 1922 г., – если бы не беда: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся – света не видел. Или погибать, или временно уехать – – Понемногу оправляюсь, а как укреплюсь, назад в Россию. Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться и поучиться – есть чему поучиться и написать – четыре года сморел жил стотысячной жизнью и конечно, оторвавшись, легче видеть яснее...».¹⁴ Тем не менее, решение вернуться в Россию постоянно подвергалось сомнениям и пересмотру,¹⁵ поскольку в это же время из России поступали тревожные известия о репрессиях в отношении родственников эмигрантов и другие подтверждения начала большого террора власти против инакомыслящих. Мучительный выбор между чужбиной и Россией становится понятнее, если обратиться к письмам С.П. Ремизовой-Довгелло, адресованным к ее ближайшей в то время подруге – З.Н. Гиппиус. В письме от 27 марта, рассуждая о возможности снова оказаться в Петрограде, она указывала на обстоятельства, по которым осуществление мечты могло быть отложено: «Да вообще я не знаю, когда мы можем поехать: надо Ал<ексея> Мих<айловича> поправить, в

¹³ Цит. по: А.М. Грачева, «Алексей Ремизов и Пушкинский Дом», *Русская Литература*, 1997, №1, стр. 199–200.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1 №697. Л. 14.

¹⁵ В московских *Известиях* в рубрике «Литературная хроника (От нашего петроградского корреспондента)» уже 19 февраля появилась заметка: «В письмах, полученных из Берлина в Петрограде от Алексея Ремизова, последний сообщает, что весной собирается вернуться в Петроград» (*Известия*, 1922, №40, стр. 3), по поводу которой Ремизов писал своему ревельскому корреспонденту С.Я. Осипову: «Боюсь, этого нельзя еще осуществить по моему нездоровью». – «“В России, как встретимся, будем вспоминать”». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921)». Публ. Е.Р. Обатниной, *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год* (С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006), стр. 241.

этом смысле я надеюсь на лето. Да и Че-Ка ведь может приставать, но это уже подробности, главное – внутреннее решение».¹⁶

Как раз в эти дни Ремизовы провожали Б. Пильняка, гостившего в их берлинской квартире с 11 января по 28 марта. Являясь одним из литературных воспитанников Ремизова, он приехал в Германию в творческую командировку и, по-видимому, искренне поддерживал планы учителя на возвращение. 14 марта он отправил Е.И. Замятину в Петроград письмо, содержание которого сохранило ярко выраженный отпечаток влияния стиля и образа мыслей Ремизова. Именуя Замятина в соответствии с «обезьяньим» статусом – «Замутием» и «князем», он, в частности, писал: «Не по носу мне табак: заграницы, к чертям драповым. Скажи всем, чтобы никто не ездил, если не хочет дураком себя чувствовать, – а почему, скажу при свидании по секрету».¹⁷ Совместная жизнь с Ремизовыми (в начале письма приведен берлинский адрес: «Kirchestrassen, у Ремизова») сказала и в том, что на обороте письма Пильняка появилась короткая приписка хозяина дома: «Что же Вы мне не напишете, – дорогой Евг<ений> Иванович! И С<ерафима> П<авловна> и я пробовали писать – но ответа не получилось; тогда я подумал “может, это по страху” и перестал писать без клика с русской земли».¹⁸

Очевидно, вскоре Ремизов решил отправить Замятину еще одно письмо, которое в первых строках совпадает с текстом приведенной выше приписки:

Что же вы мне не напишите, дорогой Евг<ений> Иванович!
И С<ерафима> П<авловна> и я вам писали – но ответа на последнее письмо так и нет. Тогда я подумал:
“может, это по страху”
и перестал писать
без клика с русской земли.

¹⁶ Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitrij Mezrzhkovsky Papers. Series 1. B. 3. F. 43.

¹⁷ Б.А. Пильняк. *Письма. В 2 тт.* Том 1. 1906–1922. Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили–Пильняк и Д. Кассек (Москва: ИМЛИ РАН, 2010), стр. 413.

¹⁸ Там же. Текст приписки Ремизова оставлен авторами-составителями без комментария. Письмо хранится в фонде Е.И. Замятина (ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. №160. л. 1 об.).

Я без чалмы, но теперь в силах: на самое подблаговещение вышел из клиники профессора Штрауха.¹⁹

Дважды обращаясь к петроградскому товарищу, писатель стремился восстановить прерванные контакты. Вместе с тем он явно опасался перлюстрации, о чем свидетельствует отсутствие подписи в обоих текстах. Нужно признать, что проявленная Ремизовым осторожность имела основания. Когда в августе 1922 г. Замятина арестовали, то в досье, составленном в ГПУ, особо были отмечены его дружеские контакты с «белоэмигрантом» Ремизовым: «Замятин Е.И. <...> Скрытый, заядлый белогвардеец. Выступает в своих произведениях всецело против советской власти. Он в тесной компании с бежавшим Ремизовым. Ремизов – это определенный враг. Замятин – то же самое».²⁰

Письмо (как и приписка) выдержано в традиции эзопова языка и содержит подтекст, рассчитанный на понимание адресата. Заключение в кавычки слова «может, это по страху» прямо коррелируют с названием известной статьи Е. Замятина «Я боюсь», опубликованной в начале 1921 г.²¹ Фиксируя многочисленные факты зависимости современной литературы от политики, Замятин называл нетерпимость к инакомыслию, узаконенную властью большевиков, – болезнью «нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова».²² «<...> Если неизлечима болезнь – я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое»,²³ – писал он в заключительных строках статьи, обращаясь к власти и к художникам.

В своем обращении к Замятину Ремизов также подразумевал «болезнь» и «излечение», соотнеся эти метафоры статьи «Я боюсь» со своей личной биографией. Странная связь «чалмы» и «клиники» (по смыслу – излечения) могло показаться абсурдным

¹⁹ Письмо Ремизова Замятину, находящееся в составе фонда Е.И. Замятина (ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. №171), публикуется впервые.

²⁰ Цит. по кн.: *Литературная жизнь России 1920-х годов*. Том 1. Ч. 2. *Москва и Петроград 1921–1922 гг.* Отв. ред. А.Ю. Галушкин (Москва: ИМЛИ РАН, 2006), стр. 488.

²¹ *Дом Искусств*, 1921, №1, стр. 49–53.

²² См.: Е. Замятин. *Я боюсь*. *Литературная критика. Публицистика. Воспоминания*. Сост. и коммент. А.Ю. Галушкина; подгот. текста А.Ю. Галушкина, М.Ю. Любимовой; вступ. статья В.А. Келдыша (Москва: Наследие, 1999), стр. 53.

²³ *Там же*.

любому стороннему читателю этого текста, но только не Замятину, знавшему что «чалмою» Ремизов образно называл полотенце, которым оборачивал голову в надежде успокоить мигрень, изводившую его последний год жизни в России. Именно образ писателя «в чалме» стал повторяющимся мотивом прошений Ремизова, направленных им в большевистское правительство с просьбой о временном отъезде за границу.²⁴ В частности, 7 апреля 1921 г. в письме к А.Г. Глебову (наст. фам. Котельников), занимавшему должность секретаря при наркоме иностранных дел Г.В. Чичерине, он просил о содействии в решении своей личной судьбы: «<...> научите, *какое* надо подать прошение Чичерину о загранице – отпустить нас за границу (не могу, от головы погибаю а голова от суеты – хожу, как в чалме и это всю зиму и можете ли *Вы передать* Чичерину это прошение <...> я просил бы отпустить нас с правом вернуться».²⁵

Упоминание о «чалме» прозвучало и в черновом варианте рецензии на пьесу Замятина «Огни св. Доминика»: «Голова моя от боли – я чувствую, как высыхает мозг – туго закручена полотенцем».²⁶ Мигрени были прямым следствием депрессивного состояния, вызванного невозможностью заниматься творческим трудом. Насколько тяжело Ремизов переносил тяготы постреволюционной жизни свидетельствуют и его дневниковые записи, в частности, описание утра 1 октября 1920 г.: «Вся душа переполнена. Сел бы к столу и писал: А надо идти. Куда идти? – В Петрокоммуну, все за той же бутылкой молока. И это еще не означает, что вот я пришел и получил, нет, я еще должен, как водится, подождать и вочере-

²⁴ История неоднократных прошений Ремизова в Совет Народных Комиссаров о выезде за границу, с обращениями за поддержкой к М. Горькому, В.А. Карпинскому, С.А. Абрамову, А.В. Луначарскому началась весной 1919 г. и через год безрезультатных попыток привела писателя в состояние полного отчаяния, когда в письме В.А. Карпинскому от 20 апреля 1921 г. он просил: «помогите мне: поговорите с кем это надо! – отпустить меня и жену мою (С.П. Ремизову–Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы». Только в июне было получено удостоверение с разрешением «временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел». См.: А.М. Грачева, «Между святой Русью и советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции», в кн.: А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 5. *Взвихрѣнная Русь* (Москва: Русская книга, 2000), стр. 600–602.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 1. №452. Л. 5–6.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. №44. Л. 16.

даться. Без этого никакая добыча не дается и ничего получить нельзя. <...> Иногда мне кажется, что <больше> я не выдержу – я, ведь, совсем обескровленный, и если держусь на ногах, когда весь валюсь, то только упорным духом своим».²⁷ Именно об этом «вынужденном молчании подлинной литературы» писал в своей статье Замятин: «Писатель <...> должен ходить на службу с портфелем, если он хочет жить. В наши дни – в театральный отдел бегал бы Гоголь <...> Иначе, чтобы жить – жить так, как пять лет назад жил студент на сорок рублей, – Гоголю пришлось бы писать в месяц по четыре “Ревизора”...».²⁸

Ремизов, подчеркивая, что теперь он «без чалмы», тем самым информировал своего корреспондента об окончательном излечении от изнурительных мигреней. Примыкающее к этим словам смысловое дополнение «...но теперь в силах: на самое подблагование вышел из клиники профессора Штрауха», очевидно, наполняет все высказывание в целом более веским содержанием, скрытым в подтексте.

Констатация «вышел из клиники» также относится к иносказанию, поскольку материальное положение Ремизова в эмиграции вряд ли позволяло ему широко пользоваться врачебными услугами. Сведений, о том, что в берлинские годы писатель проходил лечение в немецких медицинских учреждениях – тем более в мифической клинике доктора Штрауха – не имеется.²⁹ Если обратиться к творчеству писателя этого времени, можно убедиться, что конструктивными приемами романа «Взвихренная Русь», к работе над которым он приступил в это время, стали диахрония (дореволюционные годы / 1921–1922 гг.) и смещение локусов (Россия, Петроград, Петербург, Москва / Берлин). Поскольку оба этих признака находим и в письме, предположим, что и этот текст также содержит некий «литературный замысел».

Названную Ремизовым немецкую фамилию носили два известных российских врача. Один из них – Карл Карлович Штраух, новатор-офтальмолог, ученик Н.И. Пирогова, в Петербурге возглавлял во второй половине XIX в. частную лечебницу глазных и ушных болезней. Пионерские исследования К.К. Штрауха по трансплантации роговицы вошли в анналы истории отечественной ме-

²⁷ А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 5, стр. 512.

²⁸ Е. Замятин. *Я боюсь*, стр. 52.

²⁹ Автор статьи выражает благодарность Г.Г. Суперфину, любезно взявшему на себя труд просмотреть берлинские адресные книги за 1922 г.

дицины.³⁰ Не исключено, что имя этого Штрауха было хорошо известно Ремизову в связи с его проблемами зрения. Другой – Максим Августович Штраух в начале 1900 г. заведовал московской лечебницей на Мясницкой.

Ремизовское письмо представляет собой энигматический текст. С одной стороны, в нем прочитываются определенные аллюзии к описанной Замятиным проблеме современной отечественной литературы, страдающей от новой идеологической болезни, а с другой – оно содержит положительный частный пример – высвобождения творческого сознания писателя из тисков бытовой нужды и политических запретов. Латентный смысл послания Ремизова отчасти может быть раскрыт благодаря предшествующему выражению – «но теперь в силах», которое заключает в себе результат причинно-следственной цепочки: «вышел из клиники» и «теперь я в силах». Однако выбранное Ремизовым описание своего состояния – «теперь я в силах», отличное, к примеру, от речевого штампа «полон сил», придает высказыванию дополнительный обертон, вносящий отчетливо эротически-сексуальное значение. Тем более, что и Штраух «рифмуется» с именем, бывшем на слуху в начале 1920-х гг., как в Европе, так и в России.

Когда именно информация о ремизовском «выздоровлении» добралась до Петрограда, неизвестно,³¹ однако, заданная Ремизовым шарада вскоре получила резонанс. 2 апреля 1922 г. один из подопечных Замятина по литературной студии при Доме Искусств – «серапион» Н.Н. Никитин написал Ремизову: «Алексей Михайлович, в Питере слух был упорный, что вы “омолодились” по Штейнаху? Правда ли? “И будто все у вас стало другое в организме”? Вот именно так говорят».³² В 1922 г. в Петрограде вышла книга биолога и физиолога Н.К. Кольцова «Омоложение по док-

³⁰ Новаторский для своего времени метод пересадки роговицы глаза К. Штраух изложил в статье: К. Strauch, «Beitrag zur Lehre von der Transplantation der Cornea», *Wochenschrift für die gesammte Heilkunde*, 1840, Nr. 24.

³¹ Предположим, что Ремизов намеренно информирует о событии, произошедшем в некоем условном времени, соответствующем старому церковному календарю. Упоминание кануна праздника Благовещения позволяет время написания письма соотнести с 20-ми числами марта 1922 г. (поскольку праздник Благовещения приходится на 25 марта ст. ст.).

³² Amherst College Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. B. 1. F. 9.

тору Штейнаху»,³³ посвященная методу, разработанному в 1920 г. физиологом и биологом Эйгеном Штейнахом (Steinach). Австрийский ученый осуществил несколько сенсационных экспериментальных операций по омоложению человека посредством воздействия продуктов жизнедеятельности половых желез. В отношении мужского организма Штейнах также обнаружил, что при перевязке семявыносящего протока возникает гипертрофия клеток Лейдига, вследствие чего оказалось возможным повышать уровень мужских половых гормонов в организме.

Деформацию, которую претерпело содержание письма Ремизова следует отнести лишь на счет адресата – Замятина. Он не только сумел прочесть скрытый между строк смысл текста, но и уловил заложенное самим Ремизовым «творческое задание», своего рода подначку – пустить слух о его «выздоровлении». Успех осуществленной Замятиным мистификации заключался в нюансном искажении информации, позволяющем создать правдоподобный инвариант. В результате известие о берлинском самочувствии Ремизова получило (с его собственной подачи) оформление в духе «заветных» народных сказов, приправленных остротами на темы «материально-телесного низа», мгновенно став притчей во языцех. Слух о перенесенной «операции» обошел не только ближний круг знакомых литераторов, но и даже проник в редакционный портфель газеты *Ирида* (1922). В готовящейся к публикации рубрике «Вести о писателях» предполагалась следующая заметка К.Н. Боженко: «Алексей Ремизов подвергся операции омоложения, после какой чувствует себя гораздо лучше, чем раньше».³⁴

Один только Пильняк задался вопросом, кто был истинным автором этой истории. В письме от 24 июля он напрямую спрашивал Ремизова: «Тут про “омоложение” ваше болтают, – блоховодство, что ли?»³⁵ «Блоховодство» – словечко из ремизовского лексикона, распространенное среди русских берлинцев, окружавших писате-

³³ См. также: Н.Е. Ишлодский. *Этюды сексуальной биологии*. 1. *Произвольное изменение пола и искусственное омоложение по проф. Штейнаху*. С портретами проф. Штейнаха и И. И. Мечникова и 24 рисунками в тексте (Берлин: Медицинское издательство «Врач», 1923). О развитии сенсационного метода в условиях советского государства см.: М. Маликова, «НЭП как опыт социально-биологической гибридизации», <http://www.el-history.ru/node/360>; <http://bg-znanie.ru/article.php?nid=33201>

³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №125. Л. 320. Издание не осуществилось.

³⁵ Б.А. Пильняк. *Письма*. Том 1, стр. 482.

ля и означавшее, по-видимому, некий способ вводить в заблуждение при помощи «объективных» фактов.³⁶ Примером непревзойденного «блоховодства» были ремизовские анонимные заметки, составившие на страницах берлинской эмигрантской печати псевдохронику «Трудов и дней писателей» как в России, так и за границей – в Берлине.³⁷ Писатель виртуозно соединял подлинные факты с вымышленными, сочиняя собственную мифологическую летопись литературной жизни.

Прямое значение термина раскрывается благодаря эпизоду из литературной жизни Б. Пильняка. Не успел писатель погрузиться в работу после своей заграничной командировки, как на страницах московских *Известий* в рубрике «Литературная хроника» появилось сообщение: «Борис Пильняк, живущий сейчас в Коломне, написал сатирический рассказ из жизни берлинской эмиграции “Мифический Соломон”».³⁸ Как это ни курьезно, источником информации послужила анонимная заметка Ремизова, напечатанная 23 апреля в рубрике «Труды и дни писателей» берлинской газеты *Голос России*. Подражая репортерской манере, Ремизов в ней писал: «Мих. Мих. Пришвин <...> читал перед Пасхой в Союзе Писателей свою новую повесть “Хабар-бар”».³⁹ На том же вечере впервые по возвращении в Москву выступил Бор. А. Пильняк (Вогану) со своими путевыми выступлениями “От Берлина до Моск-

³⁶ Одно из значений этого «термина» раскрыто Пильняком в письме к М.М. Шкапской, содержащем следующую характеристику И. Эренбурга: «<...> часто он “блоховодит” (берлинское слово) и доказывает, что дважды два – не 7, 5, 40, 100, 3, 1 – а именно – – не 4½, 3½ – а именно 4 (это мне не нравилось, а другие подхватывали для издевок) <...>» – Там же, стр. 441.

³⁷ Л. Флейшман, «В кругу ремизовских мистификаций: “Конклав” Саркофагского», *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Essays in Honor of Wojciech Zalewski* (Stanford, 1999) (*Stanford Slavic Studies*. Vol. 20), pp. 145–176.

³⁸ *Известия*, 1922, №127, 10 июня, стр. 5.

³⁹ Упоминание несуществующей повести «Хабар-бар» было зашифрованным ремизовским откликом на очерк Пришвина «Россия не погибнет (Из дневника)» (*Воля Страны*, 1918, №11, 27 января, стр. 1), где дана была картина петроградской жизни 1918 г. и фигурировало это киргизское выражение, означавшее: «есть новости?». См. републикацию очерка в кн.: М.М. Пришвин. *Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов*. Сост., вступ. статья, подготов. текста и коммент. В.А. Фатеева (С.-Петербург: Росток, 2004), стр. 161–162.

вы”, а также с веселым рассказом из берлинской эмигрантской литературной жизни – “Мифический Соломон”». ⁴⁰ Вряд ли сам Ремизов мог предположить, что его выдумки попадут на страницы центральной московской прессы. Пильняк поспешил дать печатное опровержение: «Сообщение “Известий” о сатирическом рассказе “Мифический Соломон” не соответствует действительности. Тов. Пильняк впервые узнал о таком рассказе из “Известий”». ⁴¹ Ремизова же в личном обращении от 4–5 июня он поблагодарил: «“Мистического <sic!–E.O.> Соломона” – напишу, Алексей Михайлович. За блоховодство спасибо <...>» ⁴²

Пильняк был не единственным, кто из писателей упоминался 10 июня в *Известиях*. Одновременно «Литературная хроника» информировала и о Замятине: «Евгений Замятин закончил рассказ “Предстательная железа” (бес блудный, винный и толпяной) и работает над биографией». ⁴³ Нетрудно догадаться, что и это сообщение восходило к Ремизову. В его анонимной заметки Ремизова, напечатанной 16 апреля 1922 г. в *Голосе России*, говорилось: «Евг. Замятин закончил петербургский рассказ “Предстательная железа” (Бес винный, блудный, толпяной). Работает над автобиографией». ⁴⁴ Тем самым Ремизов продолжил начатую в письме к Замятину игру, приписав ему в берлинской газетной заметку мифическое произведение и отвечая корреспонденту шуткой, соответственной фантазии на тему «омоложения». Замятин, прочитавш заметку в *Известиях*, опровержений в печати, в отличие от Пильняка, не давал, приняв, очевидно, правила игры. Он, несомненно, узнал в опубликованном *Известиями* сообщении скрытые цитаты из собственного письма к Пильняку от 2 февраля 1922 г. Тогда «князь Замутий», облакая истинное отношение к реальности

⁴⁰ *Голос России*, 1922, №948, 23 апреля, стр. 10. Эта эскапада родилась из письма Пильняка, описывавшего спустя две недели по приезде из Берлина свое возвращение в Москву. Письмо датировано понедельником Страстной недели: «<...>. Москва отбылась Кремлем, Воронским, домами Советов, Союзом писателей, расспросами бесконечными и ошупываниями моих добров. <...> в Союзе рассказывал о Берлинцах и делах берлинских (В Союзе как раз в этот вечер читал М.М. Пришвин, – поклон ему низкий – и поклон от него нижайший Вам и Серафиме Павловне) <...>» – Б.А. Пильняк. *Письма*. Том 1, стр. 421.

⁴¹ *Правда*, 1922, №130, 14 июня, стр. 5.

⁴² Б.А. Пильняк. *Письма*. Том 1, стр. 457.

⁴³ *Известия*, 1922, №127, 10 июня, стр. 5.

⁴⁴ *Голос России*, №943, стр. 10.

в беспечный тон шутника, писал: «Милый Пильняк. Письмо твое килечное получил. Конверт разорвал – так спиртом в нос и шиба-нуло. И почерк – вроде того, каким тогда Чуковскому писал в ресторане для Чукоккалы. Ну да ничего: я – привычный, каким хочешь органом напиши – разберу <...> А вообще – как начался этот 1922 год непутево – так и дальше идет. *Винный, блудный и толпяной бес* <курсив мой – Е.О.> долит, писать некогда <...> Вчера опять лег спать утречком после 7 (это – масленица). В голове – во какие сугробы навело, увязая, не хочу больше писать – чего-то хочу тебе рассказать, а не выйдет. Может про то, что все это – ни к чему? И так надоест однажды, что ляжешь и помрешь».⁴⁵ Адресат получил это письмо в Берлине, как раз в то время когда гостил в квартире Ремизовых. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что письмо сохранилось в домашнем архиве Ремизова.

Готовясь к возвращению в Россию, Ремизов, любитель интриги, в эмиграции старался создать эффект собственного присутствия в литературной жизни Петрограда. По всей видимости, этой цели и служила реплика о клинике Штрауха, служившая началом уже продуманного сценария.

* * *

Год спустя, когда слухи поутихли, а Ремизов к этому моменту так и не вернулся в Россию,⁴⁶ Замятин в статье «Новая русская проза» вновь упомянул о чудесном «омоложении», очевидно, адресуясь только узкому кругу посвященных: «Из писателей, заброшенных в Россию Берлинскую <...> Ремизов – все еще тянет

⁴⁵ Amherst College Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. В 2. Ф. 6.

⁴⁶ В конце 1923 г. Ремизовы имели возможность вернуться на родину, о чем свидетельствует сохранившийся документ: «Вид на жительство Ремизову, выданн-ый» Полн-омочным» Предст-авителем» РСФСР в Герм-ании» от 29 окт-ября» <19>23 г-ода» №817 с пометкой о действит-ельности» до 29/X <19>24 года. Докум-ент», на основ-ании» котор-ого» выдан вид: Постан-овление» ВЦИК от 2-8-<19>23 г-ода» №16. Разреш-ения» на въезд в Россию, выданн-ые» Конс-ульским» Отдел-ом» Полном-очного» Пр-едставительст-ва от 1/X <19>23 г-ода» № Р/Ш, действит-елен» по 2/XII 1923 года» – РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. №38, л. 13. См. также: А.М. Грачева, «Между святой Русью и советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции», стр. 603. 5 ноября 1923 г. Ремизовы переехали в Париж.

соки из той коробочки с русской землей, какую привез с собой в Берлин; ожидаемые последствия Штейнаховской операции – у него еще впереди».⁴⁷ Однако теперь он подразумевал не что иное, как потенциал писателя, готового к творческому обновлению.⁴⁸

⁴⁷ *Русское Искусство*, 1923, №2/3. Цит. по кн.: Е. Замятин. *Я боюсь*, стр. 90.

⁴⁸ О берлинском периоде творчества Ремизова, связанном с созданием новых литературных форм, см.: Е. Обатнина, «Вариации памяти (Творческая история “Кукхи” и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове)», в кн.: А.М. Ремизов. *Кукха. Розановы письма* (С.-Петербург: Наука, 2011); Е. Обатнина, «Художник и История, или Как сделан “Памятник погибшим анархистам”», *Новое Литературное Обозрение*, 122 (2013), стр. 198–225.